

УДК 811.512.37+801.82+ 81'373.2
DOI: 10.22162/2500-1523-2020-3-497-508

Антропонимы в письмах хана Аюки и их русских переводах: предварительный анализ

Галина Михайловна Ярмаркина¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. И. К. Илишкина, Элиста 358000, Российская Федерация)

кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник, ученый секретарь

 0000-0002-3701-9157. E-mail: yarmarkinagm@kigiran.com

© КалмНЦ РАН, 2020

© Ярмаркина Г. М., 2020

Аннотация. *Введение.* Антропонимы представляют собой богатый материал по истории языка и культуре этноса. Актуальным остается исторический аспект антропонимии, способствующий воссозданию более полной картины антропонимической системы этноязыковой общности. *Цель* статьи — рассмотреть антропонимикон писем хана Аюки в сравнении с синхроническим русским переводом. Сопоставление калмыцких и русских текстов, выполненных синхронно, позволит проследить традиции именования людей в разных этнокультурных обществах, выявить материалы для калмыцкого именника XVIII в. *Методы и материалы.* Источником материала для статьи послужили письма калмыцкого хана Аюки за 1714 г. и русские синхронные переводы этих писем (все переводы также относятся к 1714 г.), хранящиеся в Национальном архиве Республики Калмыкия. Личные имена, рассматриваемые в статье, выявлены в текстах методом сплошной выборки. Основными методами исследования являются описательный, метод контекстуального анализа, сравнительно-сопоставительный метод. В анализируемом материале встречаются не только калмыцкие антропонимы, но и заимствованные из других языков, освоение которых было необходимостью и результатом общественно-политических взаимоотношений разных народов и государств. Наряду с русскими, имеются антропонимы казахские, татарские, хивинские, туркменские и др. В рамках статьи рассмотрен калмыцкий антропонимикон эпистолярных текстов. *Выводы.* Антропонимикон каждого этноса в каждую эпоху имеет свои особенности. В этой связи материал, содержащийся в деловой переписке хана Аюки, позволяет восстановить часть реестра калмыцких личных имен первой четверти XVIII в. Для восстановления именника в диахронии важны как оригиналы текстов, так и их переводы на русский язык, поскольку списки антропонимов оригинальных и переводных текстов дополняют друг друга и могут указывать на регулярность, воспроизводимость личных имен.

Ключевые слова: антропонимы, личные имена, калмыцкий антропонимикон, графическое освоение заимствованных антропонимов, калмыцкие деловые письма XVIII в., русский перевод

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии по проекту «Устное и письменное наследие монгольских народов России, Монголии, Китая: трансграничные традиции и взаимодействия» (номер госрегистрации: ААА-А-А19-119011490036-1).

Для цитирования: Ярмаркина Г. М. Антропонимы в письмах хана Аюки и их русских переводах: предварительный анализ // Монголоведение. 2020. Т. 12. № 3. С. 497–508. DOI: 10.22162/2500-1523-2020-3-497-508

UDC 811.512.37+801.82+ 81'373.2

DOI: 10.22162/2500-1523-2020-3-497-508

Letters of Khan Ayuka and Their Russian Translations: Anthroponyms Revisited. Preliminary Analysis

*Galina M. Yarmarkina*¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., Elista 358000, Russian Federation) Cand. Sc. (Philology), Leading Research Associate, Scientific Secretary
 0000-0002-3701-9157. E-mail: yarmarkinagm@kigiran.com

© KalmSC RAS, 2020

© Yarmarkina G. M., 2020

Abstract. *Introduction.* Anthroponyms contain valuable insights into the history of ethnic language and culture. The historical aspect of anthroponymy needs further research to reconstruct a wider panorama of the ethnos-specific anthroponymic system. *Goals.* The article seeks to consider the anthroponymic elements of Khan Ayuka's letters in comparison with parallel Russian translated equivalents of theirs. Comparison of the Kalmyk and Russian texts makes it possible to trace traditions of naming people in different ethnocultural societies, thus revealing materials for a Kalmyk 18th-century name list. *Methods and Materials.* The paper analyzes 1714 letters of the Kalmyk Khan Ayuka and their Russian translations (referred to 1714 as well) housed by the National Archive of the Republic of Kalmykia. The personal names considered identified through the use of the continuous sampling method. The main research methods employed are the descriptive and comparative ones, and that of contextual analysis. The analyzed texts contain not only Kalmyk anthroponyms but also ones borrowed from other languages, which resulted from socio-political contacts with different peoples and states. Along with Russian, there are Kazakh, Tatar, Khiva, Turkmen, and other anthroponyms. Still, the article focuses on Kalmyk anthroponymic elements. *Conclusions.* Anthroponymy of each ethnos in each era has its own characteristics. In this regard, the material contained in the official correspondence of Khan Ayuka restores part of the Kalmyk anthroponymic register typical for the 1700–1720s. Restoration of the name list in diachrony requires both original texts and their Russian translations be used, since anthroponyms mentioned in the original documents and translated texts complement each other, which may indicate regularity, reproducibility of such personal names.

Keywords: anthroponyms, personal names, Kalmyk anthroponymy, graphic development of borrowed anthroponyms, 18th-century Kalmyk official letters, equivalent, Russian translation

Acknowledgements: The reported study was funded by government subsidy — project name ‘Oral and Written Heritage of Mongolic Peoples of Russia, Mongolia and China: Cross-Border Traditions and Interactions’ (state reg. no. AAAA-A19-119011490036-1).

For citation: Yarmarkina G. M. Letters of Khan Ayuka and Their Russian Translations: Anthroponyms Revisited. Preliminary Analysis. *Mongolian Studies (Elista)*. 2020. Vol. 12. No. 3. Pp. 497–508. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2020-3-497-508

Введение

Антропонимы, составляя особую систему в языке, представляют собой богатый материал по истории языка и культуре этноса. Калмыцкая антропонимия исследована на сегодняшний день как в собственно лингвистическом, так и в этнографическом, культурологическом аспектах [Омакаева 2008], на материале эпоса «Джангар» и народных сказок [Борджанова 1983; Пюрбеев 1995; Рассадин 2004], художественных произведений [Олядыкова 2007].

Калмыцкие личные имена привлекаются для выявления функциональной эволюции и сравнительного анализа антропонимикона монгольских народов [Жапова 2004; Ламожапова 2015; Лиджиев 2010].

Монографическое издание М. У. Монраева, посвященное калмыцким личным именам, содержит сведения по истории калмыцкой антропонимической системы, материалы по образованию личных имен, уточняет русское написание калмыцких имен и топонимов [Монраев 2012]. В этой же монографии приведена обширная литература, отражающая основные направления исследований калмыцкой антропонимии. Однако анализ антропонимов в разных аспектах трудно назвать полным и завершенным.

Актуальным остается исторический аспект антропонимии, способствующий воссозданию более полной картины антропонимической системы этноязыковой общности. Обращение к письменным источникам XVIII в., содержащим личные имена, важно для более подробного описания среднего (в терминологии М. У. Монраева) периода становления и развития калмыцкой антропонимической системы, продолжавшегося с начала XVII в. вплоть до начала XX в. Основной характеристикой указанного периода исследователь называет использование канонических антропонимов, получивших распространение среди калмыков под влиянием ламаизма [Монраев 2012]. Как отмечает Э. У. Омакаева, «традиция именника ойратов, имеющая центрально-азиатское происхождение, впитала в себя антропонимикон Древней Индии и Тибета, будучи тесно связанной с письменной тибето-монгольской традицией» [Омакаева 2008: 63–64].

Цель статьи — рассмотреть антропонимикон писем хана Аюки в сравнении с синхроническим русским переводом. Сопоставление калмыцких и русских текстов, выполненных синхронно, позволит проследить традиции именования людей в разных этнокультурных обществах, выявить материалы для калмыцкого именника XVIII в., получить представление об особенностях освоения иноязычных антропонимов как в калмыцком, так и в русском языках, в том числе с точки зрения стратегии перевода в аспекте передачи личных имен.

Материалы и методы

Источником материала для статьи послужили 28 писем калмыцкого хана Аюки за 1714 г. и русские синхронные переводы этих писем (все переводы также относятся к 1714 г.), хранящиеся в Национальном архиве Республики Калмыкия (далее — НА РК) [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 2]. Личные имена, рассматриваемые в статье, выявлены в текстах методом сплошной выборки. В оригиналах писем нам встретилось 25 антропонимов, в русских переводах XVIII в. — 30. В числе выявленных антропонимов зафиксированы не только калмыцкие личные имена, но и русские, казахские, татарские, хивинские, туркменские. В настоящей работе для выполнения предварительного анализа функционирования личных имен в деловых письмах рассматриваются калмыцкие антропонимы (19 имен) и русские антропонимы (3 имени). Основными методами исследования являются описательный, метод контекстуального анализа, сравнительно-сопоставительный метод. Примеры — фрагменты старокалмыцких текстов — в статье приводятся в нескольких вариантах: сначала используется транслитерация¹, затем дается переложение на современную калмыцкую графику, после этого приводится диахронический перевод на русский язык. Транслитерация, переложение и буквальный перевод даются через одинарный слэш. После этого в квадратных скобках приводится ссылка на НА РК. Транслитерация, переложение на современную калмыцкую графику и буквальный (диахронический) перевод оригинальных текстов на русский язык, использованных в статье, выполнены канд. фил. наук, внс КалмНЦ РАН Д. Б. Гедеевой.

Фрагменты синхронных русских переводов писем хана Аюки приводятся с использованием современной русской графики: при передаче русского текста XVIII в. «ять» заменяется «е», «ер» сохраняется в тех случаях, когда буква четко прописана в тексте. Кроме того, в текст добавляются знаки препинания (запятые). Буквенная цифирь заменяется арабскими цифрами. Все примеры снабжены ссылками на НА РК.

Калмыцкий антропонимикон эпистолярных текстов

Закономерно, что самым частотным в калмыцких письмах и их русских переводах является личное имя *Аюка*, поскольку встречается в инициальной этикетной фразе письма. Антропоним *ауи хе (ši)* в русских переводах устойчиво передается как *Аюка*. Как отмечается в популярных источниках, вариант *Аюка* представляет собой результат ошибочного прочтения имени *Аюши*, данного будущему калмыцкому хану в честь божества Амитаюса. Вероятно, поэтому в транслитерации одного из писем антропоним представлен в двух вариантах (см. выше). В связи с этим распространенное ныне калмыцкое имя *Аюка* со значением ‘медвежонок’ [Монраев 2012: 127] можно считать омонимичным рассматриваемому личному имени калмыцкого хана, семантика которого связывается с божеством буддийского пантеона.

¹ В транслитерации между словами встречаются знаки в виде одной, двух, четырех точек, которые передавали знаки препинания в калмыцком вертикальном письме. Одна и две точки разграничивали предложения или отдельные части предложений, т. е. выполняли функции современных точки и запятой. Четыре точки, как правило, ставились в конце большого абзаца или текста. Принцип расстановки знаков препинания в старописьменных текстах остается неизученным.

В письмах Аюки-хана традиционно сообщается имя посыльного, который передавал не только письменный текст, но и устное сообщение. Эта часть сохраняется и в русских переводах.

В большинстве случаев о личных именах, зафиксированных в анализируемом материале, известно немного: в трудах по калмыцкой или монгольской антропонимике указанные личные имена практически не встречаются, трудности вызывает и определение семантики и способов их образования. Однако при наличии синхронного перевода можно рассмотреть особенности графического освоения иноязычных антропонимов в русском языке или в калмыцком языке.

Так, личное имя *dostog*, начальную форму которого можно восстановить из контекста *dostogi arban köi kereqtei yuuma abxa: šataxa-du ilgebebi* / *Достогуз арвн кү кергтэ юм авхар Шамахд илгэв* [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 2. Л. 75], в русском языке претерпевает незначительную фонетическую трансформацию, нашедшую отражение в графическом облике антропонима. Ср. в русском переводе XVIII в.: ‘Досто́к с товарищи 10 человек и того **Досто́ка** послал я в Шемаху для нужных покупокъ’ [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 2. Л. 76об.].

Калмыцкий антропоним *mazan*, встретившийся в формуле *elči mazan*.: / *Элч Мазн* / ‘Посыльный Мазан’ [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 2. Л. 82об.], в русском переводе встречается в двух вариантах — *Моцан* и *Муцан*: ‘Посылщик мой **Моцан** с товарищи 5 человек да с ним же послан Чабдаржапов посыльник. <...> Да вышеписанной же ханов присылщик **Муцан** доносил ближнему стольнику и оберкаменданту Михайле Ильичу Чирикову словесно’ [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 2. Лл. 83, 83об.]. Семантика имени *Мазн* (*Мазан*) обозначена в работе М. У. Монраева со ссылкой на В. Егорова: ‘оживающий, когда звезды на небе зажигаются полностью’ [Монраев 2012: 169].

В некоторых письмах встречается несколько личных имен: *elči xatan čaqdor jabiyin elči čürüm šuluun xašxa neyide xorin nigen küin* / *Элч Хатн, Чагдоржабин элч Цурм, Шулун Хаиш* — *ниидэр хөрн негн күн* / ‘Посыльный **Хатн**, посыльный Чагдоржаба **Цурюм**, **Шулун Хашка** — всего двадцать один человек’ [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 2. Л. 84об.]. В русском переводе в имени *xatan* сохраняются звуко-буквенные соответствия — *Хатан*. При передаче имени *čürüm č* соответствует русскому *ч*, *ü* — русскому *ю*: *Чюрюмъ*. Имя *šuluun xašxa* передается в русском синхронном переводе как *Шалун Кашка*. В имени *čaqdor jab* буква *q* в русских текстах системно меняется на *б*, конечному *b* соответствует *н*: *Чабдаржап*. См. русский перевод: ‘Посылщик мой **Хатан** с ним словесной приказ есть, да Чабдаржапов посыльник **Чюрюмъ**, да присланной ко мне и с трухмены присылщик **Шалун Кашка**, всего их посыльщиков наших и с кошевщики 20 человек’ [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 2. Л. 85].

Рассматривая семантику указанных калмыцких личных имен, отметим, что части составного имени *Шулун Кашка* устойчиво толкуются. *Шулун* — ‘быстрый, проворный’ [Монраев 2012: 221], *Кашка* — в словаре дается с пометой *уст.* со значением ‘предводитель’ [Монраев 2012: 163].

Имена *Хатан*, *Цурюм* / *Чурюм* в словаре М. У. Монраева не встретились.

Что касается имени сына хана Аюки, то в русских текстах до настоящего времени встречаются варианты графического облика этого имени: Чагдор-

джаб [Тепкеев 2018], Чакдорджап, Чакдор-Джап [Митиров 1998], Чагдоржаб [Сусеева 2002; Сусеева 2003], Цагдоржаб [Сусеева, Харчевникова 2002].

Трудно найти объяснение русскому соответствию *Неяз* калмыцкого имени, которое встретилось в следующем контексте: *yedeger han-du ilgekü öboröi mini xudladu öüni ötör ca:ra ongyoso-du oroulji yabuuluqtun na:siyigi nige nöködtöi.. / Едгер ханд илгэх эврэ мини худлдыг өтр цар оңцуд оруулж йовултн Наасиг нег нөкдтэ* ‘Мой товар, отправляемый Едгер хану, срочно отправьте на лодке Насу (Неяза) с товарищем’ [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 2. Л. 89 об.]. В диахроническом переводе предлагается вариант *Насу*. Возможно, сочетание гласных определенным образом соотносится с долгим *a* в корне словоформы *na:siyigi*. См. русский перевод XVIII в. ‘Посылщик мой **Неяз** с товарищи’ [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 2. Л. 93]. Имя *Насу*, как и его вариант *Неяз*, в словарях калмыцких антропонимов не встретилось.

Процесс освоения калмыцких антропонимов в русском языке, нашедший отражение в рассматриваемых текстах переводов, характеризуется не только заменой графических знаков (обусловленной, по всей вероятности, особенностями восприятия звучания антропонима), но и отсутствием некоторых графических элементов. Так, в тексте перевода антропоним *danjin* теряет конечную *n* — *Данчи*: *elči danjin yurbiula.. / Элч Данжн хурвуулн* ‘Посыльный Данжин втроем’ [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 2. Л. 163]. См. русский перевод XVIII в.: ‘Посланной мой **Данчи** с товарищи 4 человека’ [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 2. Л. 164].

Несколько примеров ярко демонстрируют функционирование в XVIII в. личных имен, связанных с буддизмом. Так, в письмах хана Аюки встречаются личные имена, явно заимствованные из тибетского антропонимикона: *elči yeši zamsu: / Элч Йеш Жамсу*. / ‘Посыльный Еше Джамсу’ [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 2. Л. 119 об.]. Словари калмыцких антропонимов не содержат имени *Еше Джамсу*, однако в трудах по калмыцкой антропонимике можно обнаружить сведения о происхождении и семантике составных данного антропонима. Учитывая синхронную направленность имеющихся словарей калмыцких личных имен, отметим, что второй компонент рассматриваемого антропонима можно соотнести с именем *Жамца / Жамчу* (рус. *Джамца, Джамса / Джамчу*) — тиб. ‘океан’ [Монраев 2012: 154]. Имя *Еше* в словаре М. У. Монраева не встретилось, как и *Иши* — вариант, используемый в русских переводах XVIII в.: ‘Посылщик мой **Иши Замсо** с товарищи 7 человек’ [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 2. Л. 120 об.].

Личное имя *Иши* трижды встречается в анализируемом материале. Имеющиеся примеры употребления антропонима обнаруживают различные способы освоения иноязычных инокультурных личных имен в русском языке. Отметим, что в русских переводах *Иши* соответствуют, по всей вероятности, два личных имени в калмыцком языке: *yeši* (см. предыдущий пример) и *iši* в следующем примере: *xo:ro:n zanggi bolxuna köüneji bayıya:ra.. elči iši-dü.. elči iši tabiula ata:r kelekü üge bei.. / Хооран зэңг болхла күүнжэ (келжэ) бэәһэрэ, элч Ишд. Элч Иш тавулн* ‘В будущем если появятся вести, сообщай посыльному Иши. Посыльный Иши пятером’ [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 2. Л. 211 об.]. В русском переводе личное имя использовано в форме дательного падежа:

‘А буде какие будут ведомости изволь сказать посылщику моему **Ишию**’ [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 2. Л. 212].

Такая падежная форма позволяет предположить, что в начальной форме антропоним может иметь вид *Иший*. Однако в продолжении русского текста личное имя посылного упоминается еще несколько раз и в разных падежных формах. В форме дательного падежа — *Ишии Замсе*, в форме творительного падежа — *Ишием*, в начальной форме (именительный падеж) — *Иши*: ‘Прикажи то все отдать, а за то ево воровство взять на нем пеню, а то все приказано **Иши Замсе** <...>; И того каракалпака прикажи ко мне прислать со всею ево рухледью с посылщиком моим **Ишием** <...>; пожалуй прикажи с посылщиком моим **Ишием** <...>; А какъ суд будет чтоб был посылщик мой **Иши** <...>’ [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 2. Л. 212об.].

Приведенные примеры, на наш взгляд, иллюстрируют процесс освоения калмыцких личных имен в русском языке XVIII в. и демонстрируют постепенное складывание парадигмы склонения антропонима и имеющиеся на тот момент варианты падежных форм, в которых антропоним ведет себя и как несклоняемое, и как изменяемое имя существительное.

Следующий пример демонстрирует разные традиции именования людей в деловых текстах XVIII в.: в калмыцком деловом тексте используется только одно имя — *iši*, в то время как в русском переводе представлен составной антропоним *Ишии Замсо*: *elči iši.* / *Элч Иши* [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 2. Л. 158об.] ‘Посылщик мой **Иши Замсо** с товарищи 6 человек’ [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 2. Л. 198].

Определяя роль узуса в закреплении антропонима в языке, А. В. Суперанская отмечает, что «критерием, позволяющим соотносить имя с тем или иным национальным коллективом, оказывается регулярная воспроизводимость его во множестве речевых ситуаций» [Суперанская 1973: 234]. В связи с этим мы обращаем внимание на повторяющиеся личные имена или их составные части, хотя ограниченный материал еще не позволяет говорить о регулярности использования рассматриваемых антропонимов в XVIII в. Так, в составных антропонимах дважды встречается элемент *tayiji*: *elči za:n darxan tayiji.* / *Элч Зан Дархн тээж* ‘Посыльный Зан Дархан Тайджи’ [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 2. Л. 123об.]; *elči nama tayiji.* / *Элч Нам тээж* ‘Посыльный Нам тайджи’ [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 2. Л. 141об.].

В русских переводах XVIII в. составные личные имена с компонентом *tayiji* подвергаются трансформации, в том числе и рассматриваемый компонент: ‘Посылщик мой **Зан Гар Ган Таши** с товарищи 5 человек’ [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 2. Л. 124]; ‘Посылщик мой **Лама Тайжи** с товарищи 10 человек’ [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 2. Л. 156].

Приведенные примеры пока не позволяют однозначно ответить на вопрос, является ли элемент *tayiji* титулом или компонентом составного антропонима. В калмыцко-русском словаре под ред. Б. Д. Муниева лексема *тээж* переводится как ‘тайджи, князь’ [КРС 1977: 483]. Если же брать во внимание синхронный русский перевод, то вариант *Таши* может рассматриваться и как заимствованный из тибетского языка антропоним.

Дважды в эпистолярных текстах встречается имеющее тибетское происхождение имя посылного *Дондг* (в русском варианте *Дондук*)²: ‘Посыльщик мой **Дондук** с товарищи 7 человек’ [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 2. Л. 9]; ‘Посыльщик мой **Дондук** с товарищи 5 человек’ [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 2. Л. 132]. Отметим, что в оригинале письма имя посылного не упоминается, сказано лишь, что у посылного есть устное сообщение.

Случаи неполного совпадения набора личных имен в оригинальном и переводном текстах не единичны. В следующем примере русский перевод сохраняет один антропоним из двух, содержащихся в оригинале: *to:giyini mani elči batudu kiiüneqtün. serkes de:re iši zamsu üzeji tabituyai.. nige suulya kerčiqsen xabusta ögüqtün. elči batu dörböüle / Тоогинь мана элч Батд күүнтн (желтн). Серкес деер Иши Жамсу үзэж тэвтхэ. Нег суулх керчсн хавст өгтн. Элч Бат дөрвүлн ‘О количестве сообщите нашему посылному Бату. В Серкесе пусть примет Иши Джамсу. Пришлите ведро капусты. Посыльный Бат вчетвером’* [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 2. Л. 161]. В русском переводе говорится только о посылном по имени *Бату*: ‘<...> о том уведомяте ко мне с посланником моим Бату <...>. Посланник мой **Бату** с товарищи 5 человек’ [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 2. Л. 162].

Рассмотрим пример, демонстрирующий неполное соответствие в наборе личных имен в оригинале письма и переводном тексте. Так, в обоих текстах — оригинале письма и переводе — содержится личное имя *Аджинар / Аджитей*. В русском переводе отсутствует антропоним *Менуш*, который есть в калмыцком тексте, но вместе с тем в переводном тексте содержится добавочная информация об имени посылного (*Зула*), отсутствующая в оригинале письма: *menüüši-dü yeke kereq-tei elči ilgebebi.. yaza:yuur dayitai ge:d dotoroi ongyoco:r yabuqsan zöb bö gebebi.. ene elečitei aĵinari ötör ongyocö:r yabuuluqtun:: / Менүшт ик кергтэ элч илгэвв. Газаһур дэгтэ гүһэд дотра оңһцар йовсн зөвв гивв. Эн элчтэ Аĵинариг өтр оңһцар йовултн ‘К (?) Менуш я послал своих посыльных по важному делу. Я решил, что правильно будет, если они поедут на лодке по внутренней территории, поскольку на внешней — неприятели. Аджинар с посыльным срочно отправьте лодкой’* [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 2. Л. 127об.]. Ср. русский перевод XVIII в.: *И от них моих посыльщиков прикажи и с Аĵи(т)ем на судне отправить. Также посыльнику своему я наказывал чтоб проводить. Посыльщик мой Зула с товарищи 4 человека* [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 2. Л. 128].

Подобные примеры важны не только для анализа стратегий перевода и уточнения особенностей формирования традиций именования лиц в деловых текстах, но и для уточнения реестра личных имен. С этой же целью рассматриваются и тексты (фрагменты текстов), по разным причинам не имеющие соответствий. Так, например, в русских переводах может сохраняться содержащий личные имена фрагмент утраченного в оригинале текста: *Посыльщик мой Чумут с товарищи 7 человек* [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 2. Л. 65]; *Посыльщик Цан с товарищи семь человек* [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 2. Л. 76]; <...> *посыльщик мой Бахан Манчи и товарищи 5 человек* [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 2. Л. 88].

² Тиб. ‘творящий благо’ (см.: [Монраев 2012: 151]).

В некоторых случаях в архивных материалах не сохранились русские переводы, что затрудняет возможность проследить графическое освоение имен собственных в русском письменном тексте, однако калмыцкие антропонимы, встречающиеся в источниках, важны для полноты антропонимикона писем хана Аюки: *elči šangs rgyas gra šes / Элч Шангсэжа Ташии* ‘Посыльный Шанжа Таши’ [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 2. Л. 135об.].

Антропонимы, заимствованные из русского языка

В анализируемом материале встречаются не только калмыцкие антропонимы, но и заимствованные из других языков, освоение которых было необходимостью и результатом общественно-политических взаимоотношений разных народов и государств. Так, письма хана Аюки содержат примеры освоения калмыцким языком некоторых русских антропонимов: Борис (Кереитов), Михаил Ильич (Чириков), Михаил (Кереитов) и др.

Практика использования личных имен у калмыков и русских в XVIII в. имела заметные отличия. Эти отличия можно наблюдать в ходе сопоставления оригинала и переводного текста. Так, в калмыцких письмах традиционно используется только одно личное имя: *bürüs ekilen dara:kon ende uda:n bayinai / Борис эклн дарагон энд удан бээнэ* ‘Борис с драгунами здесь долго находятся’ [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 2. Л. 74об.]. Русский перевод отражает иную традицию именования человека — по имени и фамилии: **Борис Кереитов с драгуны у нас жить долга будеть** [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 2. Л. 76].

Приведенный пример не единичен: упоминание имени *Борис* в другом калмыцком тексте соответствует в переводе формуле имя + фамилия (*Борис Кереитов*): *mani endeki zanggiyigi bourse:se suraqtun.. borüs mendü.. / Мана эндк зэңгиг Борүсэс суртн. Борүс мөнд* ‘Наши новости спрашивайте у Бориса. Борис [сам] здоров’ [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 2. Л. 119об.]. Ср. русский синхронный перевод: *А у нас какие ведомости были приказано Борису Кереитову* [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 2. Л. 120, Л. 120об.].

В приведенных примерах обращает на себя внимание неустойчивость графической передачи антропонима, заимствованного из русского языка: *bürüs* и *borüs*. Вероятно, указанные примеры графической передачи иноязычного антропонима отражают процессы фонетического освоения калмыцким языком имени *Борис*, где фиксируется переход русских гласных *o* и *u* в калмыцкий *y* [Бат-Эрдэнэ 2014: 59–61].

Примеры графической неустойчивости в передаче заимствованных антропонимов можно проследить и в случаях обращения к адресату — Михаилу Ильичу Чирикову, астраханскому обер-коменданту. В русских переводах имя и отчество М. И. Чирикова не варьируется — *Михайло Ильичь*, в то время как в калмыцких текстах обнаружено несколько разных случаев написания заимствованного антропонима. Приведем примеры: *mixa:li eliye: üčü tende mendü biyize... <...> / Михали Эльич тенд мөнд вииз. <...>* ‘Михаил Ильич там, надеюсь, здоров. <...>’ [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 2. Л. 140об.]; *ai darxani bayar taxa:li eliüčü tende bügüde:r mendü beyize.. / Ээдрхнэ баяр Махали Элиүч тенд бүгдэр мөнд вииз* ‘Астраханский боярин Михаил Ильич там со всеми, надеюсь, здоров’ [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 2. Л. 158об.]; *ayidarxani bayar taxa:li ilöüčü bügüde:r tende mendü beyize. / Ээдрхнэ баяр Махали Илүчи бүгдэр тенд мөнд вииз* ‘Астраханский боярин Михаил Ильич там со всеми, надеюсь, здоров’ [НА

РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 2. Л. 211об.]. Рассмотренные примеры показывают живой процесс освоения заимствованных антропонимов и их графической адаптации в письменной форме калмыцкого языка XVIII в.

Наряду с русскими личными именами, в письмах имеются антропонимы казахские, татарские, хивинские, туркменские и др., исследование которых уточнит картину освоения иноязычных имен собственных в калмыцком языке.

Заключение

Антропонимикон каждого этноса в каждую эпоху имеет свои особенности. Материал, содержащийся в деловой переписке хана Аюки, позволяет восстановить часть реестра калмыцких личных имен первой четверти XVIII в. В эпистолярных текстах фиксируются как калмыцкие антропонимы (Мазан), так и личные имена тибетского происхождения (Еше / Иши). Некоторые антропонимы (например, Хатан, Насу), встречающиеся в письменных памятниках, не входят в известные словари калмыцких личных имен. Для восстановления именника в диахронии важны как оригиналы текстов, так и их переводы на русский язык, поскольку списки антропонимов оригинальных и переводных текстов дополняют друг друга. В некоторых случаях набор личных имен в оригинальном и переводном текстах не совпадает: в русском синхронном переводе могут отсутствовать некоторые из антропонимов, имеющих в оригинале; кроме того, в русских переводах антропоним, представленный в оригинале одним именем, может функционировать как составной (Иши — Иши Замсо, Борис — Борис Керейтов). Дальнейшее детальное исследование эпистолярных текстов может уточнить предварительные выводы об особенностях калмыцкого антропонимикона, о динамике имен и функционировании калмыцкой антропонимической системы, о процессах освоения антропонимов в контактирующих языках.

Источники

НА РК — Национальный архив Республики Калмыкия.

Литература

- Бат-Эрдэнэ 2014 — *Бат-Эрдэнэ С.* Фонетико-морфологическое освоение русизмов в монгольских языках: дисс. ... канд. филол. наук. М., 2014. 228 с.
- Борджанова 1983 — *Борджанова Т. Г.* Антропонимия калмыцких народных сказок // Ономастика Калмыкии. Элиста: КНИИИФЭ, 1983. С. 96–100.
- Жапова 2004 — *Жапова Д. Н.* Функциональная эволюция проприальной лексики (на материале антропонимии монгольских языков): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ, 2004. 22 с.
- КРС 1977 — Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977. 768 с.
- Ламожанова 2015 — *Ламожанова И. А.* Антропонимические изоглоссы в монгольских языках // Ученые записки Забайкальского государственного университета. 2015. № 2 (61). С. 151–157.
- Лиджиев 2010 — *Лиджиев А. Б.* К сравнительному изучению антропонимов западно-монгольских народов // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2010. № 2. С. 51–55.
- Митиров 1998 — *Митиров А. Г.* Ойраты — калмыки: века и поколения. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1998. 384 с.

- Монраев 2012 — *Монраев М. У.* Калмыцкие личные имена (семантика). Изд. 3-е, перераб. и доп. На рус. и калм. яз. Элиста: АУ РК «Издательский Дом «Герел», 2012. 255 с.
- Олядыкова 2007 — *Олядыкова Л. Б.* Безэквивалентная лексика и фразеология в поэтической картине мира Давида Кугультинова (на материале произведений в русском переводе). Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2007. 384 с.
- Омакаева 2008 — *Омакаева Э. У.* Триада «язык — культура — этнос» сквозь призму антропонимии: калмыцкие личные имена в контексте буддийской культуры // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований. 2008. № 2. С. 62–67.
- Пюрбеев 1995 — *Пюрбеев Г. Ц.* Личные имена эпических героев: опыт интерпретации (по материалам «Джангара») // Владимирцовские чтения – III: доклады и тезисы всерос. науч. конф. (г. Москва, 25–26 октября 1993 г.) / сост. Е. В. Бойкова; редкол.: В. М. Солнцев и др. М.: ИВ РАН, 1995. С. 184–187.
- Рассадин 2004 — *Рассадин В. И.* Реальна ли гипотеза о тюркском происхождении этнонима *ойрад*, имен *Джангар*, *Чингис* и *Гэсэр*? // «Джангар» в евразийском пространстве» (к 200-летию первой публикации калмыцкого героического эпоса «Джангар»): мат-лы междунар. науч.-практ. конф. Элиста: КалмГУ, 2004. С. 121–127.
- Суперанская 1973 — *Суперанская А. В.* Общая теория имени собственного. М.: Наука, 1973. 366 с.
- Сусеева 2002 — *Сусеева Д. А.* Письма калмыцких ханов как источник по истории калмыков // Материальные и духовные основы калмыцкой государственности в составе России (к 360-летию со дня рождения хана Аюки): мат-лы междунар. науч. конф. Ч. 1. Элиста: КалмГУ, 2002. С. 161–167.
- Сусеева 2003 — *Сусеева Д. А.* Письма хана Аюки и его современников (1714–1724 гг.): опыт лингвосociологического исследования. Элиста: АПП «Джангар», 2003. 456 с.
- Сусеева, Харчевникова 2002 — *Сусеева Д. А., Харчевникова Р. П.* Калмыцкий язык XVIII века и его функциональные разновидности // Материалы научных чтений, посвященных памяти профессора А. Ш. Кичикова. Элиста: АПП «Джангар», 2002. С. 222–233.
- Тепкеев 2018 — *Тепкеев В. Т.* Аюка-хан и его время. Элиста: КалмНЦ РАН, 2018. 366 с.

Sources

National Archive of the Republic of Kalmykia. Coll.

References

- Bat-Erdene S. Russian Loanwords in Mongolic Languages: Phonetic and Morphological Aspects. Cand. Sc. (philology) thesis. Moscow, 2014. 228 p. (In Russ.)
- Bordzhanova T. G. Anthroponymy of Kalmyk folk tales. In: Onomastics of Kalmykia. Elista: Kalmyk Research Institute of History, Philology and Economics, 1983. Pp. 96–100. (In Russ.)
- Lamozhapova I. A. Anthroponomical isoglosses in the Mongolian languages. *Scholarly Notes of Transbaikalian State University*. 2015. No. 2 (61). Pp. 151–157. (In Russ.)
- Lidzhiev A. B. Western Mongolian anthroponyms: a comparative study. *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS (Oriental Studies)*. 2010. No. 2. Pp. 51–55. (In Russ.)
- Mitirov A. G. Oirats – Kalmyks: Centuries and Generations. Elista: Kalmyk Book Publ., 1998. 384 p. (In Russ.)
- Monraev M. U. Kalmyk Personal Names: Semantics. 3rd ed., rev. and suppl. Elista: Gerel, 2012. 255 p. (In Kalm. and Russ.)

- Muniev B. D. (ed.) Kalmyk-Russian Dictionary. Moscow: Russkiy Yazyk, 1977. 768 p. (In Kalm. and Russ.)
- Olyadykova L. B. Poetic Worldview of David Kugultinov: Non-Equivalent Vocabulary and Phraseology (a Case Study of Translated Works). Elista: Dzhangar, 2007. 384 p. (In Russ.)
- Omakaeva E. U. Triad ‘language – culture – ethnos’ through the prism of anthroponymy: Kalmyk personal names in the context of Buddhist culture. *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS (Oriental Studies)*. 2008. No. 2. Pp. 62–67. (In Russ.)
- Pyurbeev G. Ts. Personal names of epic heroes: an interpretation attempt (a case study of the *Jangar* epic). In: Vladimirtsov Readings – III. Conf. proc. (Moscow; October 25–26, 1993). Boykova E. V. (comp.); Solntsev V. M. et al. (eds.). Moscow: Institute of Oriental Studies (RAS), 1995. Pp. 184–187. (In Russ.)
- Rassadin V. I. Ethnonym ‘Oirat’, personal names ‘Jangar’, ‘Chingis’ and ‘Geser’: testing the hypothesis of their Turkic origins. In: *Jangar (Epic) in Eurasian Environment*. Conf. proc. Elista: Kalmyk State University, 2004. Pp. 121–127. (In Russ.)
- Superanskaya A. V. General Theory of Proper Name. Moscow: Nauka, 1973. 366 p. (In Russ.)
- Suseeva D. A. Letters of Kalmyk Khans as a historical source. In: Kalmyk Statehood within Russia’s Borders. Material and Spiritual Foundations. Conf. proc. Vol. 1. Elista: Kalmyk State University, 2002. Pp. 161–167. (In Russ.)
- Suseeva D. A. Letters of Khan Ayuka and His Contemporaries, 1714–1724: a Linguosocial Study. Elista: Dzhangar, 2003. 456 p. (In Russ.)
- Suseeva D. A., Kharchevnikova R. P. 18th-century Kalmyk language and its functional types. In: Commemorating Prof. A. Sh. Kichikov. Coll. papers. Elista: Dzhangar, 2002. Pp. 222–233. (In Russ.)
- Tepkeev V. T. Khan Ayuka and His Time. Elista: Kalmyk Scientific Center of RAS, 2018. 366 p. (In Russ.)
- Zhapova D. N. Functional Evolution of Proper Lexemes: a Case Study of Mongolic Anthroponymy. Cand.Sc. (philology) thesis abstract. Ulan-Ude, 2004. 22 p. (In Russ.)